

Штумпф Светлана Петровна

д-р филос. наук, профессор

Попкова Наталья Александровна

магистрант

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический

университет им. В.П. Астафьева»

г. Красноярск, Красноярский край

DOI 10.31483/r-74434

ШКОЛЬНИК И СЧАСТЬЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

***Аннотация:** статья посвящена анализу феномена счастья в философско-этическом, психологическом и педагогическом аспектах. Рассматривается комплекс педагогических условий, обеспечивающих формирование у школьников представлений о счастье. Для разрешения задачи предложены инновационные образовательно-воспитательные технологии: имитационно-игровые и коммуникативно-диалоговые.*

***Ключевые слова:** счастье, гуманитаризация образования, обучающиеся, этика, мораль, добродетель, инновационные педагогические технологии.*

Одной из характерных черт современного периода общественного развития является острый интерес к проблеме гуманитаризации образования. Личностная зрелость участников образовательного процесса – не вымысел, а необходимая, отвечающая духу времени компетенция каждого школьника, студента, впоследствии – гражданина общества. В этой связи в педагогическом исследовательском пространстве не прекращается поиск способов и методов содействия максимальному раскрытию сущностных сил обучающихся на основе приоритетного развития общекультурных компонентов в содержании образования [8]. Гуманитарный контекст дает возможность развития духовных потребностей личности, отвечает ожиданиям видеть в человеке друга, единомыш-

ленника, жить на благо людей, и как следствие, чувствовать удовлетворенность жизнью, быть счастливым.

В нашем повседневном беге мы далеко не всегда вспоминаем о феномене счастья, забываем даже подумать о собственной счастливости. Или не умеем? А ведь проблема счастья относится к наиболее важным вопросам человеческого бытия. Она раскрывает наше отношение к жизни как таковой, выстраивает ценностную иерархию личности. В системе воспитания счастье выступает условием и целеполаганием деятельности активной активности детей, средством развития, задавая при этом контекст гуманистической обусловленности процесса. По мнению Е.П. Павловой, «Идея счастья воспитанников является исходной для педагогического целеполагания, определения содержания профессиональной деятельности, форм, методов и условий организации детской жизни в коллективе [17]. Проживание счастья ребенком, входящим в социокультурное пространство, свидетельствует о действительной гуманитаризации воспитательного процесса в школе, поскольку счастливое детство отражает динамичный процесс знакомства с состоянием удовольствия и удовлетворенности жизнью как таковой в каждый отдельный момент взаимодействия маленького человека с миром. Оно же дает финальную эмоциональную оценку школьного периода жизни и является точкой отсчета, началом для последующего этапа студенчества.

Обращаясь к данному вопросу, мы ставим перед собой задачу осуществить анализ феномена счастья в его философско-этическом, психологическом и социально-педагогическом аспектах. Рассмотреть какими средствами, технологиями современный педагог-воспитатель может помочь ребенку увидеть, почувствовать, обрести умение ценить и наслаждаться жизнью, то есть быть счастливым. Поднимаемый вопрос на сегодняшний день весьма актуален, поскольку имеет ряд факторов, негативно сказывающихся на реальной ситуации. К ним мы относим искушение ребятшек техникой (гаджетами), их всепоглощающее увлечение и веру в виртуальный мир. Свою негативную лепту вносит невнимание родителей к переживанию счастливого детства детьми, в крайних случаях –

«ненужность» детей и их мира своим родителям. И конечно же свою деструктивную роль сыграло сокращение воспитательной работы в учительской практике, вытеснение ее из образовательного пространства [11, с. 28–29]. Учитель настолько загружен преподавательской деятельностью и отчетами, что у него порой нет сил на общение с обучающимися. А ведь предмета под названием «Счастье» нет, и научиться в таком случае ребятишкам негде и не у кого. Вопрос этот слишком острый.

Произнося слово «счастье», каждый человек, и ребенок, и взрослый выстраивает в сознании более или менее определенную модель, которая напрямую соотносится с избираемыми и презентуемыми им ценностями. Однако отметим, что сегодня небольшое число людей связывает данное понятие с этическим ракурсом, задающим в качестве решающего звена вопрос о жизненном смысле бытия человека. И тогда вопрос о счастье и его достижении получает разворот от «что?» к «как, каким образом?».

Исследуя проблему смысла жизни, Л.Н. Толстой пришел к убеждению (заключению), что данный вопрос отвечает вопросу веры, а не рационально доказуемого знания. То есть в поиске обоснования, пошел путем «от обратного». Понятие веры в миропонимании великого русского писателя, мыслителя не совпадает с общепринятым понятием веры: «Вера есть знание смысла жизни человека, в результате которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни» [14]. Таким образом, для Л.Н. Толстого жизнь, которая имеет смысл, и жизнь, образованная на вере, есть одно и то же. И в этом его понимание счастья.

Следует отметить, что во всех философских концепциях понятие «счастье» напрямую связывается с пониманием смысла жизни, так как в самом общем виде счастье определяться как состояние моральной удовлетворенности, довольства собственной жизнью.

Краткий этимологический анализ понятия «счастье» очерчивает смысловые границы феномена. Следуя Национальному корпусу русского языка [12], видим, что основу лексемы составляет «часть». Родственными (однокоренны-

ми) для нее являются «участь», «участие», «участник», «причастность» и другие. Слово «участь» в русском языке, помимо фатального смысла, синонимично слову «доля», и как судьбы, довлеющей над человеком, определяющей его жизнь, и как части чего-либо целого. Приставка «с» в русском языке означает соединение, со-бытие, сопричастность с чем-либо. Итог очевиден – понятие «счастье» следует толковать как соединение с некоей частью, а именно, с собственной долей, можно трактовать как осознание своей судьбы, своего места и назначения в мире [2].

Философские манифесты счастья имела каждая историческая эпоха.

Античная культура представляет ряд философов, исследовавших феномен счастья. В «Учении о Высшем благе» Аристотель представляет соразмерными счастье, деятельность человека и добродетельную направленность его жизни. Пути достижения мыслитель называет участие в делах государственных и философскую созерцательность. Пределы счастья составляет сам человек, осознающий порядок мироздания и отводящий внешние обстоятельства на второстепенные позиции. Эпикур раскрывает счастье через освобождение: тела – от физических страданий, души – от волнений, называя духовные, умственные наслаждения в качестве ведущих. Внешние обстоятельства никак не могут влиять на автономность внутренних ощущений (предпочтений) личности. Представители школы стоиков (Зенон Китийский, Сенека, Марк Аврелий) придерживались мнения, что счастья можно достичь, удовлетворяя те желания, которые не требуют много заботы. Это, скорее, первостепенные потребности и их можно реализовать всегда. Если человек выбирает пути добродетели, мужественно (стоически) подчиняется судьбе, подавляет свои влечения, совершенствует внутренний мир, то он приходит к состоянию покоя и свободы от внешних обстоятельств и этим становится счастливым. Множество элементов человеческой жизни, таких как слава и бесславие, богатство и бедность, труд и наслаждение, здоровье и болезнь становятся безразличными, не важными на пути достижения счастья.

Средневековая концепция счастья определяется идеей божественного провидения: счастье личное и общественное связывается с добродетелью человеческой в вопрошании о благе, которое может быть даровано лишь Всевышним (С. Боэций, А. Августин). Путь к добродетели мог осуществляться через аскезу и отрешение от мира, либо через активную благую деятельность в земной жизни. Счастье в этот период не мыслилось вне духовного воссоединения с Господом: «Жить и жить счастливо не одно и то же... остается одно: ...в свете Его (Бога) видеть свет, совершенствоваться, просвещаться и находить счастье» [1, с. 200].

Предпосылкой к парадигмальным изменениям в концепции счастья явилось указание Ф. Аквинского (XIII в., основатель томизма) на наличие у человека не только духовной, но и телесной составляющей, а, следовательно, заявление права телесной природы человека на удовольствие. Мыслитель обосновал необходимость стремления не только к небесному, но и к вполне земному блаженству [7].

Эта «крамольная» по тем временам мысль и стала определяющей для Возрождения (Т. Мор, Т. Кампанелла) и последующих эпох. Стало ясно, что умеренность, культивируемая веками, не покрывает (обеспечивает) земного счастья, гуманистическая ориентация на его обретение стала включать и вполне земные блага, при их согласованности с духовным содержанием человеческой жизни (духовное развитие + земное блаженство). В результате духовные и телесные потребности были выравнены в правах, что привело к удовлетворению гораздо большего спектра желаний человеческого естества. Счастье постепенно трансформируется в положение, позволяющее вкушать все плоды цивилизации. Впоследствии счастье отождествилось с потреблением и к XX в. закрепило в качестве самой значимой общественной ценности, что привело и к трансформации самого человека – появлению особого типа «одномерных» людей, живущих и жаждущих только здесь и сейчас.

Такова максима будущего развития, мы же вернемся к эпохе Просвещения (П. Гассенди, Ж. О. де Ламетри, Вольтер, П. Гольбах). Она представляет обнов-

ленный гедонистический вариант, разработанный в античной культуре Эпикуром (учение об атараксии). В нем счастье понимается как удовольствие особого рода: это устойчивое, длительное и интенсивное состояние, в котором находится человек, а его достижение прямо зависимо от добродетельной жизни. Обоснование такой позиции уточняет, что духовные удовольствия значительнее телесных, и обусловлено отсутствием страданий. Правильным является понимание удовольствий, придающее самость способности наслаждаться, и ведет оно к правильному пониманию мира: избавлению от страхов перед богами, необходимостью и смертью. «В результате человек сворачивается в равное самому себе состояние безмятежного покоя. Человек, достигший счастья, не делает зла, так как он вообще ничего не делает» [6].

Утилитаризм, этическая теория Нового времени (XVIII-XIX вв.), основывающимся этико-нормативным началом счастья устанавливает принцип полезности, задающий главный критерий оценки действий человека и общества (Цицерон, французские материалисты, К. Гельвеций, И. Кант, Б. Паскаль, Д. Бентам, Д. С. Милль, Дж. Дж. Смит). Весьма ярко эта идея выражена в работе Ф. Хатчесона «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели»: «...То действие является наилучшим, которое обеспечивает самое большое счастье для наибольшего числа людей» [16].

Этический эволюционизм признает мораль своеобразным инструментом, который выработан социумом в процессе эволюции для регламентации поведения и урегулирования конфликтов. А наилучшим поведением считается то, которое приводит к наибольшей полноте и продолжительности жизни, то есть к удовольствию, к счастью (XIX в., Г. Спенсер, Дж. Хаксли).

Прагматизм, этическое направление, возникшее на рубеже XIX-XX вв. на американском континенте, утверждает, что предпосылка морали имеет вполне земную основу. Это – потребности и отношения людей, они измеряются выгодой, которую каждый может ухватить, экономизируя внешний мир, получить от этого удовольствие, и этим путем прийти к счастью (Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Р. Рорти).

Постмодернизм, в силу парадигмальных изменений понимания счастья, произошедших в период предвозрождения, окончательно заключил рассматриваемый нами феномен в рамки бесконечного процесса достижения одного желания за другим. Человек стремится навсегда обеспечить себе удовлетворение своих будущих желаний. Он намеренно дистанцируется от духовных и интеллектуальных знаний, поскольку они никогда не обеспечат материальных доходов и не приведут его к гарантированной экономической выгоде. И такая модель счастья для современного социума является тотально массовой.

Как видим, понимание этого феномена в разное время примерно общее по содержанию, однако разнятся формы, в которые счастье облекается, и весьма отличны пути его достижения.

Современный исследователь Е.А. Макеева отмечает, что во многих этических концепциях счастье «...провозглашалось неперменным правом человека, устремление к счастью разбиралось как свойство прирожденное личности и в данных учениях счастье и устремление к нему рассматривалось в качестве основания и источника моральной деятельности» [9, с. 170]. По всей видимости, исследователь вслед за Сенекой и Спинозой отождествляет понятия счастья и добродетели, понимает их как имплицитно заданные каждому индивиду интенции. Однако интенция, не направляемая извне и не прорабатываемая изнутри, скорее всего не перерастет в потенциально развитую способность (качество) быть добродетельным. А счастье и вовсе не является способностью, это скорее состояние души человека, гармоничности его внутренних позиций; или же гармоничность внутреннего и внешнего миров; или, как вариант, внешних обстоятельств, отвечающих внутренним ожиданиям (убеждениям и устремлениям).

Под словосочетанием «этика счастья» объединяют моральные учения, в которых изучается сущность счастливой жизни как таковой, а также утверждается, что счастье есть наивысшая цель любого человека. Иными словами, стремление к счастью и его достижение составляют смысл жизни людей. К таким учениям относятся эвдемонизм, устанавливающий действующего субъекта начальной и конечной целевой причиной желанности счастья; утилитаризм, с

его принципом полезности = счастья = удовольствия; стоицизм, исходящий из самодостаточности счастья, когда человек ни в чем не нуждается (добровольный отказ) и ни от чего не зависит, отождествляющий счастье и добродетель; христианская мораль, растворяющая счастье в неуклонной вере, смирении и всеобъемлющей любви к людям, противопоставляющая ему страдания как наказание за несоответствие (...и воздастся Вам по вере вашей). В них признается также, что стремление к счастью с точки зрения духовного мира личности, может придавать нравственную соразмерность жизни человека, упорядочивать определенным образом его многообразные желания, интересы и потребности. Но на сегодняшний день, в таком случае решающую позицию, по нашему мнению, занимает духовность, задающая этические параметры счастья как состояния человека, а счастье – зависимую от спектра духовных интенций.

В целом, стремление к счастью анализируется исследователями как принцип нравственного поведения, воссоединяющий личность при условии ее сознательной нацеленности на счастье [10]. Модель счастья в данном случае, по содержанию восходит к греческой идее эвдемонии, и под «этикой счастья» рассматриваются разновидности философско-этических учений античного периода (гедонистическое, моралистическое и синтетическое). Эвдемония (eudaimonia) очерчивает счастье как цель человеческой жизни, наполняя его в разных трактовках следующими содержательными элементами: наслаждение, блаженство, процветание, удачливость. Эвдемонистические учения акцентируют внимание на том, что необходимо жить, формируя добродетели, или положительные качества нравственного уровня. Счастье представляется как особое благостное и гармоническое состояние, уравнивающее эмоциональную и разумную стороны личности, наделяющее ее полнотой жизни. На возникающий вопрос о пути достижения данного состояния, эвдемонистический принцип называет добродетельную жизнь в качестве дороги к счастью.

Без сомнения, можно апеллировать к суждению Вольтера, считавшему, что жить счастливо – это и есть единственная забота каждого человека. Это мнение лишь отчасти отражает формулу эвдемонизма, и как философско-этического

учения и, в целом, как жизненной установки. Данное мнение скорее относится к гедонизму (одна из разновидностей эвдемонизма), называемому в качестве источника счастья и цели человеческой жизни удовольствие. Эвдемонизм более широко позиционирует свой ответ, назначает иные пути и иные цели его достижения: это успешная судьба, и совершенство (совершенствование) человека путем добродетели, и удовлетворение жизнью. Хотя и здесь улавливается некое противоречие: ведь добродетель, осуществляемая вопреки обстоятельствам, более похожа на героическую драму, и сама по себе имеет мало общего с гармоничной, равновесной, приятной жизнью, которая может доставлять человеку удовольствие, радость и наслаждение.

В этой точке наших рассуждений возникает вопрос: значит, чтобы быть счастливым надо страдать? Именно на эту особенность указывают границы добродетели. Содержательные составляющие счастья – удовольствие, радость, добродетельность (в христианстве праведность) – для многих могут расцениваться и ожидаться как плата за страдания. Однако традиционное понимание жестко разграничивает счастье и страдания как взаимоисключающие позиции. С другой стороны, счастливыми и довольными бывают не все. В жизни каждого человека много событий и вещей, которые потенциально могут сделать его счастливым. Но не все однозначно это понимают, чувствуют и принимают. Это выбор самого человека – видеть, ценить и наслаждаться, или воспринимать жизнь только в сером негативном оттенке. Скорее причина в данном случае кроется в душевной глухоте человека, она и лишает его способности довольствоваться и быть счастливым. Таким людям, как и всем прочим, предоставлена масса возможностей прочувствовать счастье, но они ими не пользуются. Или не умеют? Или не научены? А можно ли научить быть счастливым? Скорее нет, чем да. Но научить умению видеть, улавливать, чувствовать, радоваться – скорее всего, можно и нужно. Комплекс таких умений и приводит к ощущению счастья, и, в целом, к счастью.

Широкое повседневное (обыденно-житейское) представление указывает на то, что, счастливым является человек, который не наживает себе врагов. Одна-

ко такое представление, на наш взгляд, имеет слишком высокий уровень обобщенности и слишком узкие содержательно-смысловые границы рассматриваемого понятия. Счастье на онтологическом уровне осмысления есть переживание полноты бытия, дающее ощущение и осознание причастности индивида к чему-либо более высокому, нежели повседневные суетливые (мелкие) заботы каждого из нас. И данный уровень предполагает длительное состояние человеческого бытия. Тогда как психологический аспект подразумевает кратковременные психические состояния человека, такие как переживание радости, исключительный душевный подъем, ощущение полета, влюбленность, небывалый прилив сил [6]. Психологи полагают, что счастье не может быть состоянием равномерно устойчивым, это, скорее, момент необычайного эмоционального всплеска. Как видим, один и тот же объект в разных фокусах внимания дает весьма различные временные и смысловые условия его существования.

Незабываемы строки Г. Гейне о Счастье и несчастье [3]:

Счастье деве подобно пугливой:

Не умеет любить и любима,

Прядь откинув со лба торопливо,

Прикоснется губами, и мимо.

А Несчастье – вдова и сжимает

Вас в объятиях с долгим лобзаньем,

А больны вы, перчатки снимает

И к постели садится с вязаньем. (Перевод И. Ф. Анненского.)

С этим мнением, вслед за ярким аллегорическим примером великого немецкого поэта, солидаризируется Г.Н. Гумницкий. Современный исследователь сопоставляет антиномии – счастье и несчастливость, утверждая, что счастье, как правило, мимолетно и его нелегко «удержать». Тогда как состояние несчастливости, напротив, отличается постоянством [5, с. 67]. И с этим утверждением трудно не согласиться: совершенство человека, как и удовлетворение жизнью не длятся вечно.

Весьма прагматичный XX век, а за ним и оптимизирующий XXI (на наш взгляд, выдавливающий из жизни человека все, что не приносит выгоды, пользы, материализованного результата) в области моральной практики отказались от эвдемонистического идеала, ориентированного на счастье. Сама идея счастливого индивида (и в целом счастливого общества) оказалась откровенно несовместимой с драматизмом существования современного человека в отчужденном мире. Сверх меры возросшие скорость жизни, интенсивность общественных связей и взаимозависимость между людьми отодвигают идею добродетельного счастья весьма далеко от существующих реалий. Конец XX в. знаменует довольно резкий скачок социально-экономических показателей в отдельных государствах. Это указывает на конструктивные внешние характеристики материального благополучия людей. Однако внутренние показатели качества жизни человека, субъективное ощущение счастья, отражающееся в коллективном «индексе счастья», высчитываемого социологами, находятся на весьма низком уровне. Отсутствие соразмерности между «внешним» и «внутренним» является индикатором «ноогенного невроза», выявленного В. Франклом во второй половине XX в [15]. Он связан с мучительным поиском своего жизненного смысла в экзистенциальном вакууме, со сложностями в обретении современным человеком смысла собственного существования.

И все же современные гуманитарные исследования во всем мире постоянно круг за кругом, на обновленном уровне возвращают свое внимание уже не к сущности добродетельного счастья, а к вопросу о внешних условиях – межличностных отношениях, как факторе добродетельной жизни. Счастье – это состояние максимальной удовлетворенности человека обстоятельствами собственного бытия, чувство особенной полноты жизни, это и благополучие, и здоровье и, главное, уверенности человека в плодотворности собственного существования на земле, то есть позитивной связи с миром [4, с. 90]. Скорее всего, это и есть трансформированная форма добродетели XXI в.

На наш взгляд, счастьем не научишь. Только неустанный воспитательный процесс, нравственные акценты и личный пример родителей и учителей помо-

гут разрешить данную проблему детям. Как осуществить эту работу, как донести до ребенка «что есть счастье»? На наш взгляд в ней задействованы три основных наставника – родители, классный руководитель (обобщенно – учитель) и школьный психолог. Эти ведущие обладают достаточным правом и компетенциями работать с ребятами в обозначенном направлении.

Данный материал заключен в рамки образовательного пространства, потому мы не можем адресовать родителям развернутые методические рекомендации. Однако позволим себе отметить, что в процессе воспитания, научения ребенка улавливать, видеть и чувствовать счастливые моменты их жизни, ключевым понятием для родителей является «ВМЕСТЕ». Любые дела, игровая деятельность, отдых, туризм, выставки, театральные и концертные и кино- досуг, чтение, хобби при совместном осуществлении уже будут восприниматься ребенком как самые счастливые моменты в жизни. Не с телефоном в руке и глазах, а за руку и глаза в глаза своему ребенку.

Для учителя и психолога деятельность по формированию у школьников представления о счастье является воспитательно-образовательной и требует от них владения профессиональными компетенциями. Она будет результативной при системообразующем условии целевой, содержательной, методологической и структурно-организационной скоординированности процесса педагогической деятельности [13]. Такой комплекс педагогических условий значительно повышает освоение обучающимися «науки» быть счастливыми в непростых социокультурных условиях современности

Формирование у школьников представлений о счастье обеспечивается следующими педагогическими условиями:

– осмыслением и обсуждением с детьми феномена счастья, его ценностного наполнения как философского-этического, но, одновременно, и связанного с проживанием в реальной жизни явления;

– целенаправленными действиями педагога по становлению мировоззренческих позиций школьников, включающих гуманистическое представление о счастье как формирующей наполненности их жизни факторе;

– анализом содержания представлений о счастье, понимания его ключевых ценностных акцентов в сумме образующих представления о счастье у воспитанников и раскрывающих возможные пути для его реализации;

– гуманистически направленным воспитанием, обеспечивающим подготовку ребят к расположенному взаимодействию с внешним миром;

– процессом совместной деятельности учителя, школьного психолога и обучающихся по обсуждению, постановке и решению жизненно важных вопросов для подростков, где одним из основных является вопрос о счастливой жизни;

– развитием позитивно направленных когнитивного, коммуникативного и конструктивно-организационного аспектов взаимодействия с людьми (обществом) в их взаимной связи и обусловленности;

– осуществлением целенаправленного формирования у детей взглядов на стремление к счастью как мотивационно-ценностную основу их личностного психологического роста.

Определив педагогические условия формирования у школьников представлений о счастье, считаем необходимым оговорить способы и пути реализации поставленной задачи. Традиционные технологии носят характер инструктивных, личностно отчужденных, покоятся на объяснительно-иллюстративных методах, сегодня не во всем себя оправдывают, формируя знания-копии и помещая всю нагрузку лишь на одну сторону – на учителя (однаправленность). На наш взгляд более продуктивными являются отвечающие времени инновационные образовательно-воспитательные технологии. Общее толкование понятия «технология» звучит как «наука о мастерстве». В приближенном, конкретизированном виде оно включает системный метод создания, применения и определения образовательно-воспитательного процесса; систему (модель) процесса совместной деятельности обучающихся и преподавателя; упорядоченный и структурированный комплекс действий, операций и процедур. Структурно технология продуктивной организации воспитания охватывает весь процесс взаимодействия участников: от целеполагания, через проектирование содержания и

логическую структуру к собственно реализации и последующим контролю и коррекции. Вызовы сегодняшней действительности, необходимость совместной деятельности определяют выбор интерактивных и активных технологий (степень самостоятельности мышления детей значительно увеличивается), имитационных и неимитационных технологий (в зависимости от варианта моделирования жизненных ситуаций). Они открывают пространство для вхождения нового, порождают изменения, создают проблемное исследовательское поле, которое активно готовы осваивать обучающиеся.

Имитационно-игровые технологии нацелены на моделирование как таковое. Они позволяют в условном пространстве с той или иной мерой соответствия воспроизвести происходящие в реальной жизни процессы. Существует несколько видов имитационных игр:

– организационно-деятельностные (имитация модели среды, создающая многоаспектные условия для взаимодействия и коллективного принятия решений на основе индивидуальных подходов);

– проблемно-исследовательские (дерево решений, мозговой штурм, сбор и систематизация информации по изучаемому вопросу в игровом режиме, они активизируют интеллектуальную деятельность ребятшек);

– поисково-апробационные (нацелены на развитие интеллектуального и творческого потенциала, на выработку новых идей и видов деятельности для решения различных проблем);

– ситуационно-ролевые (театрализованный практикум-этюд, дидактическая ролевая игра, имитационно-ролевая игра);

– рефлексивные (направлены на психологическое взросление участников игры, снятие стереотипов, обучение анализу человеческих отношений, межгрупповому сотрудничеству).

Задачи, решаемые в игровом моделировании, весьма многообразны: формирование у ребят проектировочных и прогностических умений, развитие артистичности и реализация харизматического потенциала; умение налаживать связи, вести конструктивные переговоры с миром; овладение техниками «эври-

стического оптимизма» в моделируемой ситуации. Структура имитационной игры состоит из двух слагаемых: процесс проигрывания одного или нескольких сюжетов и информационное, техническое, организационное обеспечение игры. Обычно такие игры проходят три этапа: на подготовительном этапе участники знакомятся с сюжетом, игровым материалом, проходят инструктаж, тестирование, участвуют в игротехнических приемах погружения в атмосферу игры. Второй этап – игровой, ребята в ходе игровой деятельности выступают в роли активных участников изучаемого процесса, используя подготовленное организационно-техническое обеспечение игры. На третьем, заключительном этапе игроки, используя полученные знания и собственный жизненный опыт, активно обмениваются мнениями и конструируют свой вариант решения изучаемой проблемной ситуации. К плюсам имитационно-игровых технологий следует отнести наглядность, автономность сюжетов, открытость модели, условный игровой режим, в котором ребяташкам не страшно открыться, поскольку они точно знают – это игра.

Очень хорошо в деле формирования у учащихся счастья показывают себя *коммуникативно-диалоговые технологии*. Их важнейшими компонентами следует назвать проблемность, общение и сотрудничество между преподавателем, психологом и детьми. Учитель задает проблемную ситуацию, соответствующую смысловую установку, далее в диалогической форме с ребятами определяются мотивация и цель заданного смысла, вызывается у них желание высказать личные смыслы (видение, отношение), ученики выявляют потенциальное поле смыслов и находят единый или же компромиссный результат, на который соглашается вся группа. Коммуникативно-диалоговые технологии покрывают сразу несколько значительных функций – когнитивную, креативную, ценностную и коммуникации. Разработано несколько видов таких технологий:

– семинар-дискуссия – всестороннее обсуждение спорного вопроса на публике, в частной беседе, в споре (одна из форм – круглый стол);

– эвристические беседы – выдвигается несколько идей, они обсуждаются, разрабатываются, подвергаются критике, оценивается их доказательная база

или формулируется аргументированное опровержение в поисках новых форм решения вопроса;

– проблемно-поисковые диалоги – совместное общение участников с целью обсуждения и разрешения теоретических и практических проблем (роли: ведущий, оппонент, рецензент, логик, психолог, эксперт);

– анализ конкретных ситуаций – этот вид технологии можно назвать «квест в миниатюре за столом», учитель как проводник управляет процессом прохождения проблемной ситуации, задавая уточняющие вопросы, переадресовывая отдельные из них другим участникам, вовлекая в обсуждение, приветствуя лично ориентированные смыслы, приветствуя наличие нескольких вариантов развития, сопоставления, конфронтации, и даже конфликта идей и позиций в поиске аргументов продуктивного выхода из ситуации.

Коммуникативно-диалоговые технологии лучше работают с учениками младших и старших классов. Ребятишки 1–4 классов полны желания познавать и находить новое, им пока еще нечего скрывать. Учащиеся 9–11 классов настолько обеспокоены решением вопроса о своем будущем (выбор направления обучения может оказаться выбором жизни), что в позитивной атмосфере, заинтересованные возможностью рассуждать о наболевшем в новом формате, раскрываются, уже ничего не боясь и не скрывая. Они понимают, что правильно сделанный в этот момент выбор может сделать их счастливыми на всю жизнь.

Подводя итог, еще раз отметим, что представление о счастье является жизнеутверждающим фактором личностной структуры и ребенка, и взрослого человека. Источником формирования представлений о счастливости у подростка является окружающая реальность, восприятие которой релевантно его ценностным ориентирам и мере их значимости для проживания жизни счастливо. Складывающиеся с детства представления о счастье являются результатом созерцания и уяснения объектов внешнего мира, отражением предметов и явлений, несущих в себе его существенные признаки. Это процесс слияния восприятия и осмысления, образов, слов и действенной активности субъекта. Целена-

правленная образовательно-воспитательная деятельность родителей, педагогов и психологов помогает развитию духовных и физических сил детей, становлению личностного начала; содействует включению воспитанниками счастья в «дорожную карту» своей жизни.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь / А. Августин. – М: Республика, 1992. – 516 с.
2. Бахтин М.В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии / М.В. Бахтин. – М.: Изд-во Московского института духовной культуры, 2006. – 112 с.
3. Гейне Г. Стихотворения. Счастье и несчастье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gejne_g/text_1856_annensky.shtml (дата обращения: 05.01.2020).
4. Голубева Г.А. Этика. – М.: Экзамен, 2017. – 320 с.
5. Гумницкий Г.Н. Основы этики: монография / Г.Н. Гумницкий. – Иваново: Изд-во Ивановский государственный политехнический университет, 2016. – 132 с.
6. Гусейнов А.А. Евдемонизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7357> (дата обращения: 02.01.2020).
7. Задворнов А.Н. Представление о счастье как целеполагающая сила общественного сознания и его форм / А.Н. Задворнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. – 2013. – №1 (19). – С. 18–25.
8. Костылев С.В. Мораль как форма культуры и средство консолидации современного общества / С.В. Костылев // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: мат. IV Всеросс. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 135–142.
9. Макеева Е.А. Добродетель как этическая категория / Е.А. Макеева // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – №3. – С. 170–176.

10. Мельников В.Р. Счастье и «смысл человеческой жизни» в фокусе конгруэнтности: современный человек в поисках счастья / В.Р. Мельников, Л.Д. Пятилетова // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – №7 (75). – С. 18.
11. Минеев В.В. Будущее не проходит стороной: реформа образования в контексте глобальных процессов / В.В. Минеев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – №2 (24). – С. 26–36.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 07.01.2020).
13. Павлова Е.П. Профессиональная подготовка педагога к формированию у школьников гуманистического представления о счастье: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 179 с.
14. Толстой Л.Н. Исповедь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rulibrary.ru/tolstoy/isproved/22> (дата обращения: 12.12.2019).
15. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
16. Хатчесон Ф. Эстетика (Сер. История эстетики в памятниках и документах) / Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. – М.: Искусство, 1973. – 478 с.
17. Щуркова Н.Е. Воспитание счастьем, счастье воспитания: монография / Н.Е. Щуркова, Е.П. Павлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр «Педагогический поиск», 2004. – 160 с.